О малой родине. И не только

Есть люди, которым не интересна история малой родины. Да чего уж там – о предках не знают. Однако есть и те, у кого теплеет на душе, когда возникает тема семейных реликвий и рассказов живших и живущих. Воспоминания – это внутренняя ценность, стержень личности. Люди уходят, поселения исчезают – маховик времени не жалеет никого. Чтобы сохранить и понять себя – оцифровывайте старые фото, записывайте семейные были, распространяйте их среди родственников, делитесь в интернете. В преданиях бабушек и дедушек не только истоки рода и корни фамилии... Бывало, едешь по дороге - чистое поле вокруг. А кто-нибудь говорит: «Деревня тут была». Встрепенёшься, посмотришь туда, где кипела жизнь, и такая тоска сожмёт сердце. Есть у меня пара стихов, навеянных порывом подобных чувств:

Без слёз умирают деревни и сёла,
Названья стираются мест,
Уходят безмолвно станицы, посёлки,
Проносят достойно свой крест.
Вот яма, крапивой заросшая –
Стоял тут когда-то вот дом…
И жил тут с бабулей Алёшенька
И бегал вокруг босиком…
А в доме соседнем, по улице,
Тётка Матрёна жила.
Рукодельница славная, умница,
Немало платков соткала…
А в доме напротив жил дедушка –
Участник турецкой войны.
Сидел на завалинке, хлебушком
Кормил голубей он с руки…
Эх, сколько историй же кануло,
Людей, деревень и станиц.
Их помнит земля только матушка,
И славит их пение птиц.

***

А помнишь ли ты о доме?
О земле, с которой пришёл?
Или ты теперь оцифрован?
И душе своей не король?
Позабыли мы, кто и откуда.
Заросла дорога назад.
Былые воины теперь лишь слуги.
Даже жизнь взята напрокат.
Мост обратно давно уже сломан,
И дороги другой не найти.
И ледяные на сердце оковы
Не сломать, не взорвать, не снести.

Возвращаюсь к семейным рассказам. Один из них знаю с детства. Мой прадед – Мигунов Семён Папеевич (на фото 1913 г. - справа) жил в Верхней Куэнге, что до революции была «Куенгской станицей третьего отдела Забайкальского казачьего войска». Он, чтобы покрыть крышу построенного им дома, специально ездил на конях в Китай, в Маньчжурию за кровельным железом. Я думал, что быть такого не может, до границы далеко. Однако лет десять назад моя тётя Мигунова Екатерина Гавриловна, что до сих пор живёт в том самом доме, решила сменить старое кровельное железо на современный профлист. Когда сняли старые, невзрачные с внешней стороны листы, то на них, на вполне сохранившейся внутренней стороне большинства листов, оказалась нарисована птица, по виду страус, и надпись под ней на английском: EMUBRAND. Железо, выплавленное в далёкой Австралии, было продано в Китай. Забайкальский казак, снарядив лошадей, привёз его из Маньчжурии, и на крыше его дома оно верой и правдой прослужило более ста лет.

Селу Верхняя Куэнга более трёхсот лет. Основано как слобода в начале 1680-х годов, когда нерчинский голова распорядился распахать тут и в Алеуре земли для посева зерна.

Мигунова (Голобокова) Екатерина Гавриловна, о которой упомянул, бабушка мировая. Ей уже девяносто три года. «Из казаков мы», – рассказывает она. Родители Екатерины Гавриловны – Мигунов Гавриил Васильевич и Саломатова Прасковья Филимоновна. Отец работал завскладами, а мама дояркой. Бабушка Катя – отличник здравоохранения. Всю жизнь проработала в селе Верхняя Куэнга фельдшером-акушером. Немало детишек появилось с её помощью. Это теперь женщины из села едут рожать в Кокуй, а то и в Читу. А раньше в нашем селе был собственный фельдшерско-акушерский пункт, куда приезжали роженицы из Болотово, Нижней Куэнги.

Бабушка Катя, когда её кто-нибудь навещает, любит напевать переделанный отрывок из песни «У Черного моря», исполненной Леонидом Утёсовым:

А жизнь остаётся прекрасной всегда,
Хоть старишься ты или молод,
Но каждой весною так тянет меня
В Верхнюю Куэнгу, милый мой город…

Раньше она в художественной самодеятельности участвовала и в общественной жизни села. Рассказывает, какой раньше колхоз был – миллионер. Муж Екатерины Гавриловны – мой родной дядя по материнской линии Иван Андриянович Мигунов всю жизнь проработал в колхозе. Как и его брат Виктор Андриянович, как оба деда Мигунов Андриян Семёнович и Корнилов Иван Егорович.

А деревня как цвела, рассказывает. Строились дома. Построены школа и Дом культуры. Возведено большое здание детского сада. В селе были молочная ферма, колбасный цех, цех по производству масла. На колхозной мельнице производили муку из зерна, выращенного на полях вокруг. А теперь этого нет, да и домов многих нет. «Хоть село еще живо», – вздыхает с грустью бабушка.

Несколько лет назад, в беседе бабушка упомянула о Зеландии, что была рядом

с селом. Было там несколько домов, а после революции и оттуда разъехались. «Занятное, – подумал я тогда, – название, экзотика для нашей глубинки». А потом в интернете наткнулся на Порайонный список населённых мест Сретенского округа 1926 года – издание Сретенского окружного статистического бюро, где действительно указан выселок Зеландия, когда-то относящийся к Верхней Куэнге.

Интересно с Екатериной Гавриловной беседовать. «Память подводит теперь», - признаётся она. Из таких людей, как бабушка Катя, как мои родители Корнилов Сергей Иванович и Полина Андрияновна, что живут в Верхней Куэнге всю свою жизнь, и складывается для меня моя малая Родина. Закончу свой рассказ стихотворением:

Я напьюсь ключевою водою,
Да так, чтобы горло застыло.
И знакомой по сопке тропою
Я пойду по ерник и ковыль.
На обратном пути на окраине
Заверну я родительский скот.
Собачонка соседей облает там
И сбежит, поджав
серенький хвост.
Ну а дома гостит уже бабушка,
Свежих тарочек нам принесла.
И набрав мягкой шерсти
на варежки,
Отдыхает в платке у крыльца.

Сергей Корнилов,
с. Верхняя Куэнга